

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

XV Международные образовательные
Рождественские чтения

КОНФЕРЕНЦИЯ

Церковнославянский язык

в системе современного
религиозного образования

31 января – 1 февраля 2007 года

Москва
КРУГЪ
2007

Р. Баич, К. Кончаревич
Белград, Сербия

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ ФУНКЦИЯХ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

0.1. Цель предлагаемой работы – выявить языковые функции, свойственные литургическому дискурсу, описать существенные характеристики их реализации и таким образом ответить на вопрос: в чем заключаются отличительные свойства сакрального слова по сравнению с профанным использованием языка?

0.2. Литургия (и, соответственно, богослужение в целом) представляет собой речевое событие с присущими ему оформленной внешней и внутренней структурой, лингвистическим и внелингвистическим содержанием: она имеет свое начало, продолжение и конец, сопровождается многочисленными внеязыковыми поступками в качестве как второстепенных, так и первичных по отношению к вербальным (само назначение литургии состоит в причащении Тела и Крови Христовой, а оно есть не что иное, как наиболее близкая *коммуникация* со Христом); она основывается на единой коммуникативной компетенции (использования вербальных и невербальных средств) ее участников, а это, в свою очередь, подразумевает наличие единых и общеобязательных норм интеракции и интерпретации.

0.3. Молитва есть, в первую очередь, реальное общение и единение с Богом. Однако она обладает также творческой и познавательной силой. Следует подчеркнуть, что слово литургии синергично (оно предполагает взаимодействие Слова Божия и слова человеческого), канонично и соборно. Его отличительными свойствами являются также способность к наиболее четкой номинации внутренних логосов тварей и способность служить средством совершенного человеко- и Богопознания¹.

0.4. Исходя из многоаспектного характера литургийного слова, мы считаем оправданным выделение трех комплексов коммуникативных функций литургического дискурса: (а) функции, связанные с Богообщением, человекообщением и взаимодействием внутри Тела Церкви (собственно коммуникативная, директивная и функция координации, перформативная, функция призывания, функция приношения, функции социализации в рамках литургического общества, отождествления, идентификации, культурная функция); (б) функции, связанные с познавательной деятельностью (аккумулятивная, функция актуализации прошлого, функция актуализации будущего, функция выражения веры, функция объяснения смысла священнодействий) и (в) функции, относящиеся к личностной сфере (функции самопознания, самовыражения, осознания своего «я», рефлексии).

1.1. *Собственно коммуникативная функция.* – Молитва, по сути, есть не что иное, как живое общение человека с Богом; основными ее измерениями, вершина которых достигается в молитве евхаристической, суть любовь и диалог. По словам прот. Д. Станилое, «в Литургии верующий реализует диалог со Св. Троицей и чувствует реальное ее присутствие»². Поэтому и на уровне лингвистического анализа вполне оправдано говорить о коммуникативной функции литургического дискурса, выявленной, впрочем, и в патристической литературе³. В литургической молитве коммуникация реализуется в нескольких планах:

- в диалоге возглавителя собрания (епископа, священника) с Богом, когда он выступает от имени всех верующих, вознося Ему благодарность, славословие и просьбы;

- в диалоге священника с верующими, когда он инициирует молитву или побуждает присутствующих к выполнению определенных действий, причем лаос высказывает свое согласие и единство с литургом, типа: *Горе имеем сердца! – Имамы ко Господу; Главы своя Господеви приклоните. – Тебе, Господи! Мир всем! – И духови твоему*⁴, и под.;

- в диалоге священнослужителей (священника и диакона) в функции совершения богослужебных действий: *Помолися о мне,*

владыко святой. – Да исправит Господь стопы твоя. – Помяни мя, владыко святой. – Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем...; Раздроби, владыко, святой хлеб. – Раздробляется и разделяется Агнец Божий...; Исполни, владыко, святой потир. – Исполнение Духа Святаго...; Диаконе, приступи. – Се прихожду к безсмертному Царю и Богу нашему, и т. д.;

• в диалоге каждого участника богослужебного собрания в отдельности с Богом, причем индивидуальное обращение к Богу может быть предусмотрено богослужебным чином, иметь свое текстуальное оформление (например, молитва перед причастием: *Верую, Господи, и исповедую...*, молитва священнослужителя, произносимая во время Херувимской песни *Никтоже достоин*), или вербализоваться во внутренней речи, без озвучивания (верующий молится, славословит, благодарит от своего имени, совершая свой личный подвиг в обществе Церкви), но вербализация может и отсутствовать, когда верующий пребывает в состоянии, в котором «ум радостно молчит»⁵, а душа его, приблизившись к Богу, непрестанно беседует с Ним⁶.

1.2. Директивная функция. – Данная функция, отличающаяся высокой частотностью, выражается чаще всего употреблением форм повелительного наклонения (обращение к Богу священника и всего литургического собрания с молитвой о разных нуждах, духовных и материальных, а иногда и индивидуальное обращение, как, например, в молитве перед принятием и после принятия св. Таин, молитва *Никтоже достоин*), и в этом случае ее можно назвать и функцией моления. Хотя упомянутая функция является первичным элементом молитвы, сам молитвенный акт не отождествляется с ней и не сводится к ней, поскольку он предполагает и славословие, благодарение, исповедание веры в Бога и осознанное, смиренное признание собственной грешности. Помимо использования форм повелительного наклонения, моление может эксплицироваться и перформативным глаголом, что часто встречается в ектениях: *Дня всего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим. Доброе и полезное душам нашим и мира мирови у Господа просим, и т. д.* Второй

вид директивной функции связывается с общением между участниками богослужения, где можно выделить два центра: а) общение между священником и диаконом, в котором присутствует побуждение к выполнению определенных богослужебных действий: *Возми, владыко. Пожри, владыко. Прободи, владыко. Благослови, владыко, святое соединение*, или поощрение определенного поведения: *Прости, брат и сослужитель*; б) диалог священнослужителя с лаосом, направленный главным образом на совместное возношение молитв, принятие поз или практикование определенных видов поведения (формальный показатель – инклюзивное повелеительное наклонение): *Господу помолимся. Станем добре! Вонем! Заблагодарим Господа!* В данном случае можно говорить о своего рода координативной и направляющей функции.

1.3. **Перформативная (исполнительская) функция.** – Данная функция соотносится с выполнением (нелингвистических) действий вербальными средствами. Так, в обряде крещения крещаемый погружается в воду с произнесением священником формулы: *Крещается раб Божий (имярек) во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа. Аминь*, и таким образом совершается священнодействие вступления в Церковь. В том же обряде вербально выражается отрицание от сатаны и принятие Христа, т. е. соединение с Ним, причем в последнем случае действие совершается крещаемым, при свободном его волеизъявлении (само же крещение совершается Богом одновременно с произнесением формулы священником). Подобное наблюдается и при освящении воды, плодов и др., где в тексте соответствующих молитв эксплицитно указывается, что священнодействие происходит наитием Св. Духа. Вершиной реализации перформативной функции богослужебного языка является претворение (преложение, пресуществление) честных Даров в Тело и Кровь Христову при произнесении слов освящения епископом или пресвитером (совершителем же Таинства является Сам Господь Иисус Христос). Претворение Даров совершается произнесением не только слов литурга (молитва эпиклезы: *И просим, и молим, и*

мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащая дары сия... И сотвори убо Хлеб сей честное Тело Христа Твоего, а еже в чаши сей, честную Кровь Христа Твоего, преложив Духом Твоим Святым), но и Христовых «установительных» слов: *Примите, ядите, сие есть Тело Мое... Пейте из нея все, сия есть Кровь Моя...*). Исполнение действия дополнительно потенцируется языком жестов: литург при произнесении формулы благословляет правой рукой святые Дары, творит знак креста над дискосом и потиром, а потом над обоими сосудами вместе, и так видимым образом указывает на освящение и претворение Даров в Тело и Кровь Господню.

1.4. **Функция призывания.** – Данную функцию в языке богослужения можно усмотреть в двух планах: (а) в литургических формулах, призывающих к выполнению совместного действия, принятию молитвенных поз или определенных образцов поведения (см. *директивная функция*); (б) призывание к жизни во Христе, к общению верующих с Богом и друг с другом (модификация аппеллятивной функции языка), что является специфической особенностью не только богослужебного, но и богословского языка⁷. Специфическая реализация упомянутой функции связывается с призыванием Св. Духа, Который Своим наитием и Икономией пребывает в Церкви и действует через таинство охристовления человека и твари⁸. Высшей, кульминационной точкой литургической жизни Церкви с апостольских времен до сегодняшнего дня является преломление Хлеба или Евхаристия, в которой каждое священнодействие сопряжено с призыванием Св. Духа⁹. Спасительные и освящающие действия Утешителя присутствуют и в остальных святых таинствах, и в прочих священнодействиях (ярким примером может послужить молитва великого водосвятия). Соответственно, функция призывания, с одной стороны, связана с перформативной функцией (молитвенное призывание Духа имеет своим следствием преобразование мира, человека и его жизни, исторической и космической действительности); с другой стороны, она указывает на присутствие Св. Духа и Его энергий в обществе верующих и в личной жизни каждого хрис-

тианина – Его осенение и силу, действие и ходатайство (функция индикативного обозначения духовной реальности), и с третьей, она служит и конституированию литургического общества (социальная интеграционная функция).

1.4. **Функция приношения.** – В богословской литературе особо подчеркивается значение приношения себя, другого человека и всего мира Богу в богослужениях Церкви¹⁰. Поэтому есть основания для особого выделения функции приношения, близкой к уже рассмотренной нами перформативной функции. Так, в литургической формуле *Сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим*, многократно повторяемой в богослужебном речевом акте, выдвигается программа, постоянно осуществляемая в православном подвижничестве и духовной жизни как «непрерывной литургии и литургисании Богу Живому («в Духе и Истине») (Ин. 4, 24), непрестанном приношении «жертвы живой, святой, угодной Богу» (Рим. 12, 1)»¹¹. Евхаристия всю тварь «возносит» перед престолом Божиим, освящая мир и принося его Творцу преображенным в «космическую литургию», вследствие чего в анафоре как сердцевине Литургии и говорится: *Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся*¹². Богослужение и есть не что иное, как приношение службы Богу, что эксплицитно выражается в анафоре: *Еще приносим Ти словесную сию службу, о иже в вере почивших, Праотцех, Отцех, Патриарсех, Пророцех, Апостолах, Проповедницех, Евангелистех, Мученицех, Исповедницех, Воздержницех, и о всяком душе праведнем в вере скончавшемся... Изрядно о пресвятей... и Приснодеве Марии*. Помимо общего, приношение обладает и частным смыслом: в тексте Златоустовой литургии указывается на приношение *кадила... в вою благоухания духовнаго*, дабы Господь, прием я в наднебесный Свой жертвенник, ниспослал верующим благодать Пресвятаго Духа. Во всех упомянутых реализациях предусмотрено использование перформативного глагола: таким образом недвусмысленно, с ясно выраженной дидактической тенденцией, указывается на данный аспект богослужебной практики (приношение).

1.5. *Функции социализации в рамках литургического общества, отождествления, идентификации.* – Несмотря на свою направленность к Богу, богослужение Церкви одновременно является выражением и образцом братства и общности людей¹³. В высшей степени это проявляется в Евхаристии, в которой верующие, принимая животворящие Святыни Тела и Крови Христовой, обретают общность любви со Святой Троицей и друг с другом, причем не только с присутствующими, но и со всеми, которые присоединились ко Христу и Церкви как Телу Его, живыми и усопшими, что эксплицитно выражается их молитвенным поминовением: так, в самом начале Литургии оглашенных собрание молится *о мире всего мира, о святейшем патриарсе (преосвященнейшем епископе), честнем пресвитерстве, о Христе диаконстве, о всем причте и людех, о граде сем (веси, обители), всяком граде, стране и верою живущих в них, о путешествующих, недугующих, страждущих*, показывая тем самым свое сознание ответственности возношения молитв о ближних и выражая единство с ними. Единство также выражается и по отношению к усопшим членам Церкви, их многократным поминовением. «Благодаря Таинству Евхаристии, вся Церковь – и небесная и земная – собирается в единстве веры и причастии Св. Духа. Церковь собирает в себе и небесные силы (Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов), и людей, святых и грешных, живых и усопших, ибо каждый человек, даже когда умрет, живет во Христе»¹⁴. Соборность Церкви в Евхаристии, может быть, полнейшим образом проявляется в литургическом предложении на дискосе, где вокруг Агнца лежат частицы Богородицы, ангельских чинов, всех Святых, живых и усопших христиан, «без их деления и оценки их грешности и праведности, в оптимизме спасения»¹⁵. Сам текст евхаристических молитв тоже свидетельствует об их соборном характере: *С сими и мы блаженными силами, Владыко человеколюбче, вопием и глаголем...* Эксплицитно указывается и на то, что верующие молятся *единем усты и единым сердцем*.

Единство верующих внутри конкретного литургического общества и по отношению к верующим всех времен и народов

имеет и свое языковое выражение – литургический плюрал, подчеркивающий универсальную полноту и единство Церкви. Все евхаристические молитвы написаны во множественном числе, включая и молитву анафоры, произносимую одним только священнослужителем, но от имени всех верующих. Предполагается, что все собрание сослуживает со священником или епископом¹⁶. Исключения представляют лишь молитва Херувимской песни *Никтоже достоин*, а также молитвы перед принятием и после принятия св. Христовых Таин, причем последние возносятся каждым членом литургической общности одновременно и в тождественной форме, так что верующие соединяются в ней¹⁷. Соборность богослужения потенцируется и совместными унифицированными репликами верующих в диалоге со священником. Молитва, возносимая священником от имени всего собрания, встречается согласием, одобрением, идентификацией присутствующих с ней. Так образуется диалогическое единство, типа: (священник:) *Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатью*; (верующие:) *Господи, помилуй*; (священник:) *Прощения и оставления грехов и согрешений наших у Господа просим*. (верующие:) *Подай, Господи*; (священник:) *Благодарим Господа*; (верующие:) *Достойно и праведно есть покланяться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней*; (священник:) *Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе покланяться на всяком месте владычества Твоего...* Диалогическое единство может быть составлено из двух или нескольких реплик, с повторением части лексического содержания предыдущей реплики или без него, но с обязательной констатацией согласия между священником и верующими в отношении глубинного смысла молитвы. Инициатива в начинании диалогической цепи, как правило, принадлежит литургу – возглавителю евхаристического собрания, который, иконизируя Христа, возносит молитву ко Отцу в Духе. Любой ответ верующих представляет печать единства их мыслей и чувств, свидетельство их единодушия в вере и молитве и выражение их сослужения возглавителю собрания.

1.6. *Культурная функция.* – Помимо функций, связанных с непосредственным литургическим использованием языка, можно говорить и о специфических особенностях его функционирования, и в более широком, внебогослужебном плане. Это особенно заметно в ситуациях диглоссии, когда богослужебный язык обслуживает более широкую сферу литературы и письменности, главным образом «высокие» жанры, тогда как использование народного языка ограничивается коллоквиальной сферой и профанными литературными жанрами. И в сербской, и в других странах Pax Slavica Orthodoxa церковнославянский язык функционировал не только в качестве сакрального, но и в качестве языка культуры, выполняя посредническую роль в греческо-славянских контактах и одновременно служа средством трансмиссии собственной культуры.

2. 1. *Аккумулятивная функция.* – В языке богослужения зафиксировано Священное Предание Церкви. Посредством богослужебных текстов и текстов из Священного Писания, включенных в состав всех богослужений, верующие узнают обилие фактов из Священной истории Ветхого и Нового Завета, из истории Церкви, из жизни Святых. Литургию как «таинство таинств» можно определить как благодарственное воспоминание искупленным народом Божиим всех благ и даров, всех благословений Троичного Бога: создание мира и человека, «новое творение» – пересоздание, спасение человека во Христе и освящение Св. Духом. Литургическое воспоминание поощряется несколькими способами: чтением частей Св. Писания как обязательного компонента любого богослужения, совершением анамнезы – структурной части анафоры, посвященной воспоминанию всех спасительных событий создания и искупления, а также прославлением Угодников Божиих, службы которым основываются на фактографическом (житийном) материале.

2.2. *Функция актуализации прошлого.* – Данная функция вытекает из литургического восприятия времени. Литургическое «ныне», по меткому замечанию Х. Янараса, содержит в себе и объединяет прошлое и будущее, эсхатологическое¹⁸. Так, напри-

мер, в кондаке Рождества Христова «Дева днесь пресущественнаго раждает» события, связанные с рождением Богомладенца, излагаются в настоящем времени, так что присутствующие на богослужении становятся их непосредственными участниками: «Эсхатологически, пентикостально, благодатию Св. Духа, *днесь* Рождество»¹⁹. Этим богослужебным '*днесь*' авторы сакральных гимнов указывают на факт богослужебной, Святым Духом актуализации праздника, в котором верующие участвуют действительно и истинно. «Это *днесь* не просто слово, а таинственное событие в сердцах верующих»²⁰.

2. 3. *Функция актуализации будущего (эсхатона)*. – Богослужение является актуализацией эсхатона – преображенной реальности, которая уже началась со Христом и Его Церковью. Все, что происходит на литургии служит предвкушению Царства небесного, вхождению вечности в теперешний момент, благодатному преображению мира. Слушая слова богослужения – и то, что заимствовано из Священного Писания, и то, что написано духоносными гимнографами, мы приобретаем эсхатологический опыт, переносимся в иной мир; но, следует иметь в виду, что ни одно слово, ни одно представление не удовлетворительно в смысле адекватного изображения эсхатологической реальности, вследствие чего язык богослужения, как, впрочем, и язык богословия, неминуемо отличается конвенциональностью и относительностью. Когда Церковь на богослужении поет: «Да возсияет и нам грешным свет Твой присносущный» (Тропарь Преображения), она не претендует на то, чтобы самим словом *свет* адекватно выразить энергии Божии: это слово – лишь условный знак, который используется в попытке обозначения одного явления уму непостижимой действительности. Именно в целях приближения этой непостижимой реальности произношение богослужебного текста отличается от обыкновенного озвучивания текста: большая часть богослужений состоит из поемых текстов, причем и фрагменты, предназначенные для чтения, произносятся специфически, с выраженной мелодической линией и подчеркнутой ритмизацией (т. н. псалмодия), по установленной и обще-

принятой модели, исключаяющей выражение субъективной эмоциональности или индивидуального мнения, а это, в свою очередь, вытекает из факта, что богослужение не есть своего рода экстаз и блаженство экзальтированных индивидов, а осуществление общности любви и жизни во Христе²¹.

2.4. Функция выражения веры. – Богослужебный язык как вербальное выражение священнодействия предполагает и выражение (исповедание) веры. «В опыте Православной Церкви Литургия всегда была и есть выражение веры, жизни и учения Церкви, вследствие чего она является единым надежным путем ознакомления с ними. *Lex orandi lex est credendi*. Значит, *правило молитвы является и правилом веры*»²². Вера эксплицитно исповедуется в молитвах анафоры, где выдвигаются основные положения о троичности Бога, излагается догмат об искуплении, приводится православное учение о Боге Отце как Творце и Промыслителе, о Боге Сыне как Исккупителе и Боге Духе Святом как Освятителе, затем в Символе веры, который произносится литургом и всем собранием, в молитве перед принятием св. Таин. Данную функцию язык выполняет лишь условно, аппроксимативно, ибо при его посредстве мы говорим о том, чего не знаем в достаточной мере (например, даже содержание ключевых слов исповедания веры – «Отец», «Сын» и «Дух» – находится за пределами человеческих познавательных возможностей и критериев²³; то же самое относится и к таким терминам, как рождение, исхождение, единосущность и т. п., которыми обозначаются отношения, неподвластные рациональному познанию.

2.5. Функция объяснения смысла священнодействия. – Специфика данной функции, на первый взгляд близкой к перформативной, состоит в том, что произнесением слов действие не совершается, а актуализируется его смысл, объясняется его сущность и назначение. Так, например, священник, разламывая св. Агнец на четыре части, поставляет их крестообразно на дискос, берет часть, положенную на восточной стороне, обозначенную словами ИС, и погружает ее в св. Чашу при произнесении слов: «Полнота Духа Святаго», обозначая тем самым, что соеди-

нение Тела и Крови Христовых совершается Св. Духом²⁴. В данной функции могут использоваться цитаты из Библии и реминисценции на текст Св. Писания: так, на проскомидии, подготовительном чине для евхаристического жертвоприношения, священник, разрезая просфору, говорит: *В воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Яко овца на заклание ведеса, и яко агнец непорочен, прямию стригущаго его безгласен, тако не отверзает уст Своих; во смирении Его суд Его взятся; род же Его кто исповесть? ! <...> Един от воинов копием ребра Его прободен, и абие изыде кровь и вода: и видевый свидетельствова, и истинно есть свидетельство его.* Текст может также сопровождать священнодействие с установкой на установление сознательного отношения верующих к нему: так, при причащении священник для каждого верующего произносит слова: *Причащается раб Божий (имярек) честнаго и святаго Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов своих и в жизнь вечную, а ту же функцию выполняют и слова, поемые при причащении: Тело Христово примите, источника безсмертнаго вкусите.* Верующие, в свою очередь, подтверждают осознание смысла священнодействия, в котором они участвовали: *Видехом свет истинный, прияхом Духа Небеснаго... Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи, яко да поем славу Твою, яко сподобил еси нас причаститися святым Твоим божественным, безсмертным и животворящим Тайнам...*

3. Функции самопознания и самореализации. – Язык молитвы и богослужения, помимо коммуникативно-социальных и интеллектуально-познавательных функций, реализует и личностные характеристики языка, проявляющиеся в осознании собственного «я», саморефлексии, выражении своего внутреннего мира (мыслей, чувств, волевых состояний), внутренней диалогизации в процессе самопознания личности. Данный комплекс личностных функций реализуется и в индивидуальной, и в соборной молитве, несмотря на, как может показаться на первый взгляд, парадоксальное требование, чтобы молитвы даже за домашним (келейным) молитвенным правилом возносились в их

канонической форме (каноничность богослужбных молитв подразумевается). Молитвы перед причащением представляют убедительный пример для внимательного погружения в свой внутренний мир, его тщательного осмотра в диалоге с Богом, для молитвенного самопознания и самопреображения:

Ты убо, Господи, утвердил еси на мне страх Твой: аз же лукавое пред Тобою сотворих. Тебе убо единому согреших; но молю Тя, не вниди в суд с рабом Твоим: аще бо беззакония назириши, Господи, Господи, кто постоит? Аз бо есмь пучина греха, и не смь достоин, ниже доволен воззрети, и видети на высоту небесную от множества грехов своих, ихже несть числа: всякое бо злодеяние, и коварство, и ухищрение сатанино [...], и иныя тмочисленныя страсти не оскудеша от мене. Кими бо не растлихся грехми? Кими не содержахся злыми? Всяк грех содеях, всякую нечистоту вложих в душу мою: непотребен бых Тебе Богу моему и человеком. Кто возставит мя в сицевая злая, и толлика падишаго согрешения? Господи Боже мой, на Тя уповах; аще есть ми спасения упование, аще побеждает человеколюбие Твое множества беззаконий моих, буди ми Спаситель, и по щедротам Твоим и милостем Твоим ослаби, остави, прости ми вся, елика Ти согреших... (из молитвы св. Симеона Метафраста).

В богослужбной, соборной молитве также есть место саморефлексии и самореализации личности. В некоторых случаях вербальное самовыражение, предусмотренное богослужбным чином, сопровождает священнодействие и глубже запечатлевает его в уме: например, литург берет частицу св. Агнца, произнося слова: *Честныя и святыя Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа причащаюся аз, раб Божий, священник (имярек), во оставление грехов моих и в жизнь вечную;* или, после принятия Св. Таин верующие поют исповедание: *Видехом свет истинный, прияхом Духа небеснаго, обретохом веру истинную...* Молитва Херувимской песни, которую священник возносит с прошением о том, чтобы Господь удостоил его приношения св. Даров, содержит элементы саморефлексии (исповедание своего недостойнства и греховности).

4. Язык молитвы и богослужения, как мы показали, реализует широкий спектр функций, причем некоторые из них представляют его *differentia specifica* по отношению к профанному использованию языка, другие же подразумевают те или иные модификации по сравнению с профанной сферой, которые сводятся главным образом к большему экстенситету и интенситету в их реализации. Литургическое слово канонизованно в плане выражения, тогда как в плане содержания оно, в двуединстве Слова Божия и слова человеческого, иконизирует как творческое Слово, Логос Божий, так и весь тварный видимый и невидимый мир в его прошлом, настоящем и будущем. Это слово, данное Церкви и проявленное посредством Церкви, отличается возрождением тех качеств, которые слово Адама потеряло после прародительского грехопадения: соборности, творческой силы, синергизма, четкой номинации внутренних логосов тварей, максимальной близости в общении с другими людьми и с Богом и возведения в совершенное человеко- и Богопознание. Таким образом, воскресшее слово Литургии становится средством непрестанного возношения благодарений Творцу и Промыслителю, средством, через которое которому весь космос превращается в святой жертвенник, в евхаристическую трапезу, чтобы Бог прославлялся «во всяком роде и роде» (Пс. 44, 18).

Примечания

¹ Лепяхин, В., *Икона и иконичность*. Санкт-Петербург, 2002, с. 198-214.

² Станилое, Д., *Духовност и заједница у православној литургији*. Београд, 1992, с. 7.

³ Эдельштейн, Ю. М., *Проблемы языка в памятниках патристики. // История лингвистических учений. Средневековая Европа*. Ленинград, 1985, с. 167-168.

⁴ Все цитаты из богослужебных текстов приводятся по изданию: Служебник. Београд, 1983, 426 с.

⁵ Сахаров, С., *Старац Силуан*. Атос, 1980, с. 51.

⁶ Кардамакис, М., *Православна духовност*. Атос, 1986, с. 271-273.

- ⁷ Пападопулос, С., *Теологија и језик*. Србиње – Београд – Ваљево – Минхен, 1998, с. 16; Папатанасију, А. (2002): *Језик света – језик Цркве: авантура споразумевања или сукоб?* // Видослов, Требиње, 1, с. 69.
- ⁸ Кардамакис, М., *Указ. соч.*, с. 91.
- ⁹ Успенский, Н. Д., *Спасајуће и освјаштајуће дејства Божије через Светога Духа в богослужени и таинствах*. // Богословские труды, Москва, 1973, 5, с. 198-202.
- ¹⁰ Јевтић, А., *Христос алфа и омега*. Врњачка Бања, 2000, с. 136.
- ¹¹ Јевтић, А., *Указ. соч.*, с. 137.
- ¹² Зизиулас, Ј., *Евхаристијско виђење света*. // Р. Биговић (прир.), *Православна теологија*, Београд, 1995, стр. 18-22.
- ¹³ Кардамакис, М., *Указ. соч.*, с. 96.
- ¹⁴ Клеман, О., *Тајна божанствене Евхаристије* // Ј. Србуљ (прир.), *О литургији*. Београд, 1997, стр. 56-70.
- ¹⁵ Стојановић, Љ., *Црквени смисао молитве*. // 2000 година хришћанства: духовност, култура и историја. Деспотовац, 2001, с. 234.
- ¹⁶ Флоровски, Г., *Елементи литургије (смисао богослужења)*. // Ј. Србуљ (прир.), *О литургији*, Београд, с. 199-210.
- ¹⁷ Станилоје, Д., *Указ. соч.*, с. 480.
- ¹⁸ Јанарас, Х., *Азбучник вере*. Нови Сад, 2000, с. 335.
- ¹⁹ Јевтић, А., *Загрљај светова. Есеји о човеку и Цркви*. Србиње, 1996, с. 120.
- ²⁰ Алевизопулос, А., *Литургијски етос*. // Ј. Србуљ (прир.), *О литургији*. Београд, с. 286.
- ²¹ Иларион Керченский, *Трисоставное сладкогласование*. // Православная беседа, Москва, 2002, 2-4, с. 8-9.
- ²² Шмеман, А., *Литургија и живот*. Цетиње, 1992, с. 104.
- ²³ С. Пападопулос, *Указ. соч.*, с. 43.
- ²⁴ Н. Макариополски, *Света евхаристијска жртва*. // Ј. Србуљ (прир.), *О литургији*. Београд, 1997, стр. 50-51.